

А. А. Гусейнов

Учение о житии Александра Зиновьева

Зиновьев как логик, социолог и писатель более или менее хорошо известен. Известен также

Зиновьев-художник. Здесь, на конференции, представлена часть его графического наследия. Известен Зиновьев-поэт, хотя меньше, чем Зиновьев-художник. Я же хочу раскрыть еще одну грань Зиновьева, еще одну его ипостась, может быть, совершенно неожиданную, а именно: рассказать о Зиновьеве как моралисте.

«Зиновьев-моралист или Учение о житии Зиновьева». Или так, как он сам называл, «Зиновьевка». Это и будет предметом моего сообщения.

Учение это представлено во многих его творениях, но, прежде всего, в повестях «Иди на Голгофу» и «Живи». Также это поэмы «Евангелие для Ивана» и «Мой дом —

моя чужбина», а также автобиографическая повесть «Исповедь отщепенца». Логика Зиновьева си-

стематизирована им самим в книге, которая называется «Очерки комплексной логики». Социология в какой-то степени систематизирована в книге «На пути к сверхобществу». «Учение о житии», конечно, нигде у него систематически не изложено. Но вопрос, поддается ли это учение систематизации. Оно в этом смысле принципиально бессистемно. Как говорит Зиновьев, его можно изучать, излагать, практиковать в любом порядке. Потому что цель этого учения — не вырвать человека из привычных обстоятельств жизни, не переместить его в какой-то идеальный мир, а объяснить, как он может достойно прожить в тех обстоятельствах, которые выпали на его долю. Это очень

важный момент. Я хочу его зафиксировать. Исходный пункт рассуждений Зиновьева в этой сфере — не какое-то теоретическое утверждение, аксиома, с которых всегда начинались все этические концепции, будь то Аристотеля, Канта и т. д., а реальный живой индивид, кто бы он ни был. Собственно говоря, герои повестей «Живи» и «Иди на Голгофу» — это индивиды, которые имеют собственные имена. Это редкость для Зиновьева. Вы знаете, что в его работах «Зияющие высоты» и «Желтый дом» и во многих других герои не имеют имен собственных. Они имеют клички, обозначают некие функции. Это Мыслители. Претенденты. Балбес. Невеста. Шизофреник и т. д. Предстают как бы в тех ролях, которые они играют в коллективе. Здесь же нет. Здесь живые индивиды с именем, отчеством, индивидуальной биографией. И это, конечно, совсем не случайно.

Главный герой повести «Иди на Голгофу» считает себя Богом. И как бы играет в эту игру. В жизни Зиновьева, как он описывает в повести «Исповедь отщепенца», был такой эпизод, когда он семилетним мальчиком пошел в школу, а там был медицинский осмотр и нужно раздеваться. Он снял нательный крест и выбросил его. Когда дома мама об этом узнала, она ему сказала: «сейчас время безбожья. Не думай о том, есть Бог или нет. Но очень важно, чтобы ты прожил так, словно за твоими поступками и мыслями кто-то наблюдает». И вот это, — говорит Зиновьев, — стало для меня путеводной нитью на протяжении всей жизни. Точно так же рассуждает и главный герой повести «Иди на Голгофу». Цитирую: «Для меня нет проблемы, существует Бог или нет. Верить в Бога и верить в существование Бога — не одно и то же. Я принимаю принцип: живи так, будто некое высшее существо наблюдает каждый твой шаг и помысел». Есть онтология знания, где бытие предшествует знанию. А есть онтология веры, где вера предшествует бытию. И вопрос о том, существует или нет то, во что ты веришь, не имеет существенного значения. Существенно то, что ты создаешь некую реальность в соответствии со своей ве-

рой. И быть Богом, — логика героя, как я ее излагаю, — это есть предельный случай веры. Это именно тогда, когда человек живет и действует, как если бы он всегда находился под наблюдением Бога или как если бы он сам был Богом.

Хочу сказать, что исходные пункты учения Зиновьева о житии показывают, что его взгляды находятся в русле основной европейской этической традиции. Эта традиция всегда была озабочена одной основной проблемой — как возможны и в каких формах осуществляются индивидуально ответственные действия, индивидуально ответственный способ жизни человека. Вот чего искали философы и мыслители на протяжении многих столетий. И Зиновьев, конечно, вписывается в эту традицию. Но при этом мы видим, что он дает свое, совершенно особое, понимание того, как эта индивидуально ответственная жизнь возможна. Герой есть Бог в силу бесконечного одиночества и абсолютной безнадёжности. Страдания человека, — говорит он, — можно облегчить надеждой, верой в Бога. А кто может облегчить страдания самого Бога? Вот ему уж не на что надеяться. Отсюда делается вывод: быть Богом — значит идти на Голгофу.

Логика Зиновьева такова: даже если Бога нет, — точка зрения, на которую толкает нас современная наука, — то это еще не основание для того, чтобы отказываться от самой идеи Бога. А как ее сохранить, если нет Бога? От идеи не хочется отказываться. Как ее сохранить? Очень просто. Надо самому решиться стать им. Здесь опять Зиновьев придерживается традиции. Мы знаем, что многие философы включали понятие Бога в свои системы. У Спинозы субстанция есть Бог. Мы знаем, что Фейербах низверг Бога с небес для того, чтобы создать свою религию любви. Мы знаем, что Лев Николаевич Толстой считал себя истинным христианином именно потому, что он отрицал божественность Иисуса Христа. Но эти мыслители все-таки подходили к Богу онтологически, хотя и отвергали богословские версии относительно этого предмета. У Зиновьева другое: он

подходит к этому вопросу психологически и этически.

В психологическом смысле это означает высшую ступень личностного самоутверждения. Не в том смысле, что человек живет для себя, не в смысле какой-то эгоистической замкнутости, а в смысле полного принятия жизни в тех ее конкретных выражениях, которые выпали на долю человека. Живет для себя так, как если бы именно он был единственным носителем жизни. Вы знаете, есть известное, часто цитируемое сравнение Канта бесконечности звездного неба над нами с бесконечностью морального закона в нас. Но забывают еще один оттенок мысли Канта: о том, что бесконечность нравственного закона во мне намного выше, если это вообще возможно, когда мы говорим о бесконечностях, бесконечности звездного неба надо мной. Вот точно так же рассуждает и герой Зиновьева. Вот его высказывание: «Плевать мне на Галактику, звезды и общество. Для меня моя жизнь важнее и интереснее, чем, например, эволюция некой звездной системы за тридевять земель».

Это есть формы самоутверждения еще и в том смысле, что сам индивид является основой жизни. То есть он сам задает программу своей жизни. Основная функция Бога по Зиновьеву — это этическая, моральная функция. Быть Богом — не удача и менее всего награда. Это скорее страдания. Богом личность не кончается. С нее она начинается. Быть Богом — значит разработать свою собственную религию, собственную программу жизни. И здесь мы сталкиваемся с одним из самых трудных вопросов, но в то же время таких, которые позволяют понять специфику подхода Зиновьева. Именно специфику его учения о житии. Вопрос о том, как соединяются социология и этика Зиновьева.

Социология Зиновьева исходит из того, что социальная жизнь — это нечто совершенно объективное, существующее и развивающееся по своим законам, законам, которые вполне сопоставимы с законами природы. И с ними ничего нельзя сделать. Нельзя улучшить мир, не ухудшая его. Нельзя его

ухудшить, не улучшая. Это его социология. Идеальное общество Зиновьев отвергает, считая, что оно невозможно. Не в том смысле невозможно, что не существует какого-то совершенствования социальной жизни, а в том смысле, что невозможно такое устройство общества, в котором не было каких-то недостатков и т. д. Возникает проблема. Как человеку быть ответственным за свою жизнь и жить по своей программе, когда он вынужден подчиняться законам социальности точно так же, как ему приходится подчиняться и действовать в рамках закона природы.

Зиновьев говорит, что у человека есть две возможности: либо окунуться в борьбу за жизненные блага по законам данного общества, либо уклониться от этой борьбы. И вот «Учение о житии» говорит о том, как уклониться. Говорит о путях и способах уклонения. В этом и состоит учение о житии. Уклониться не в том смысле, чтобы замкнуться в какой-то искусственной среде, уйти в частную жизнь и т. д., а уклониться, оставаясь в трясине жизни, но руководствуясь своими собственными ценностными представлениями. У него есть такое выражение: «как стать святым без отрыва от греховного производства». То есть идея такова, что само уклонение или, если хотите, способ уклонения, противостояния этим законам социальности и становится содержанием нравственной, достойной жизни.

Учение о житии, по словам Зиновьева, это, в общем-то, учение, которое он разработывал для себя и которое действительно, имеет смысл и разумно только применительно к России. Основного героя повести «Идти на Голгофу» зовут Иван Лаптев. А учение — лаптизм. Это зиновьевский стиль, зиновьевская сатира. Он хочет сказать, что это — сугубо русское. Он не был, конечно, ни почвенником, ни националистом в смысле какого-то эгоцентризма. Своеобразие России, своеобразие человеческого материала, который создал Россию и русскую историю, он связывал с определенным образом жизни, — с гипертрофией коллективных начал, с тем, что в опыте нашей страны коммунальные на-

чала, коммунальные аспекты жития довлеют над деловым и формально-юридическим аспектом. По этой линии обнаруживает себя русское своеобразие. Это было и в дореволюционной России, и в постсоветской. Но наиболее полно и адекватно эта особенность России раскрылась в советский период, что не является преимуществом или недостатком. Просто это особенность России.

Здесь очень важны акценты. Скажем, общинность, соборность, коллективность — понятия, которые многих вдохновляют. А Зиновьев на эти вопросы смотрел несколько иначе. Он считал, что это не то, что надо культивировать, а то, от чего надо защищаться. Причем опять-таки хочу подчеркнуть, что речь здесь идет о его этическом учении. Речь идет о диспозиции, когда он вырабатывает взгляд, программу жизни отдельного человека, индивида как личности. Здесь речь не идет о какой-то социальной программе и т. д. И вот под этим углом зрения как раз и рассуждает Зиновьев. Превалирование коллективности есть разгул социальной стихии. Это своего рода саодарвинистская стихия, где человек постоянно является объектом лицемерия, обмана, зависти, подсиживания, жалости, заботы, интриг, демагогии и т. д. и т. п. И сам человек, поскольку является социальным субъектом, а значит, включен в эту социально-групповую жизнь, действует по тем же законам, и не может иначе. Зиновьевка — это есть как бы поиск путей защиты человеком себя от самого себя, от других людей, от социальных групп и организаций. И оно действительно не в обществе с атомизированной структурой, где оно лишено смысла. Оно действительно именно в обществе российского типа, где социальность навязывает себя индивидам в разных формах коллективности.

Еще одна особенность этого учения в качестве этического. Это кажется невероятным. Герой говорит, а это, конечно же, позиция самого Зиновьева: я не учу ни добру, ни злу. Я учу только тому, как жить в разрезе бытия, в котором теряют смысл понятия добра и зла. То есть этическое учение, которое

не учит ни добру, ни злу. Как это возможно? А это возможно потому, говорит Зиновьев, что это учение не для других, а для себя. А то, что делает человек для себя, бессмысленно расценивать в категориях добра и зла. Понятие «совершенный человек» имеет как бы два разных смысла. В одном смысле совершенный человек — это идеальный человек, как бы совокупность всех положительных качеств. А в другом совершенный человек — это существо, в потенции обладающее всеми способностями и возможностями как положительными, так и отрицательными, плохими, т. е. такими, которые позволяют ему жить, адаптироваться в любых условиях. И вот именно во втором смысле, только его Зиновьев и имеет в виду. Совершенный человек, конечно, реализуется в массе человечества.

Зиновьевка и есть рассуждение о том, как распорядиться абсолютностью совершенного существа, но в индивидуальном опыте.

Особенность зиновьевки в том, что она, определяя стратегию, некое направление жизни, оставляет совершенно открытым вопрос о тактике. То есть о конкретных поступках и решениях, которые выпадают на долю человека и в которых он совершенно автономен. Учение о житии — это сотни правил, применимых к разным сферам и обстоятельствам. Правила самые детальные, вплоть до того, как надо сидеть на стуле. Ключевыми являются правила, которые объединяются им под рубрикой «Я и другие», регламентирующие отношение к другим. Это и есть то, что составляет специфическую предметность морали.

Вот как эти правила звучат. «Держи людей на дистанции. Относись к ним с уважением. Не привлекай к себе внимания. Свою помощь не навязывай. Не насилуй других. Вيني во всем себя». Это не весь набор, а лишь выборка. Этот «малый кодекс» начинается с утверждения: «Сохраняй личное достоинство». И кончается: «Никогда не рассчитывай на то, что люди оценят твои поступки объективно. Ты есть единственный и высший судья своего поведения, ибо оно

есть твоё поведение». Назначение этих правил — блокировать опасности, которые исходят от других. Парадокс этики Зиновьева формулируется в следующем утверждении: «Своим уважительным отношением к другим людям мы от них защищаемся». В этом смысле то, что составляет нравы общества, не только соединяет нас друг с другом, но и задает необходимые безопасные дистанции, которые совершенно необходимы для того, чтобы вести жизнь в социальной форме. Это рассуждение как будто бы схоже с идеей Гоббса о естественном состоянии, которое есть состояние войны всех против всех. И которое «снимается», дисциплинируется через посредство государства, этого мощного Левиафана, который все обуздывает.

У Зиновьева мысль развивается по-другому, его логика более жесткая и суровая. Зиновьев принимает утверждение о естественном состоянии, но при этом считает, что государство не «снимает» его, но только видоизменяет. В каком-то смысле придает ему более жесткую, изощренную форму. И поэтому выход состоит только в том, — отсюда его знаменитое утверждение, — чтобы самому стать суверенным государством.

Можно, конечно, по-разному относиться к этим утверждениям и к той теоретической схеме, которую задает Зиновьев, но тем не менее надо признать, что здесь есть ответ на вопрос, который не разрешен ни в одной, насколько я могу судить, философско-этиче-

ской концепции. А именно: вопрос о том, почему индивид, озабоченный единственно тем, чтобы самому стать совершенным, индивид, который рассматривает себя в перспективе некой абсолютности, должен думать и заботиться о других? Почему?

Зиновьев дает ответ на этот вопрос. Станный, парадоксальный ответ. Есть некое (оно считается поддельным) письмо греческого философа Анаксимена, адресованное Пифагору. В нем Анаксимен говорит: «Как же Анаксимену думать о делах небесных, когда есть опасность, что он может стать рабом или подвергнуться нападению». И вот проблема: как защититься от того, чтобы не попасть в рабство, защититься от других людей. Это очень важная проблема. И зиновьевское решение состоит в том, что именно в рамках нашего стремления к совершенству мы должны уважать других людей, потому что уважение — это есть наш способ защиты от них.

В заключение хочу сказать, что «Учение о житии» Зиновьева не содержит, — и он это прямо говорит, — претензии на последнюю этическую истину, которая была свойственна многим философам. Здесь заложена другая претензия, которой, как он считает, должен руководствоваться любой человек, поскольку он человек. А именно, претензия придать своей собственной жизни достоинство последней истины, или поднять свою жизнь до этого высокого уровня.

Из хроники научной жизни

21 августа 2007 г. Правительство Москвы на своем очередном заседании обсудило вопрос «О Комплексе мероприятий по государственной поддержке развития детского общественного движения в городе Москве на 2008–2010 гг.». Заседание вел мэр Москвы Ю. М. Лужков. Правительство приняло постановление, которым утвержден обширный комплекс мер в поддержку детского движения. В дискуссии по данному вопросу на заседании Правительства Москвы выступил заместитель ректора, директор Института гуманитарных исследований МосГУ Вал. А. Луков, принимавший участие в подготовке представленных документов. Журнал «Знание. Понимание. Умение» готовит к публикации тексты некоторых выступлений на этом заседании.